

Ю.Л. Оболенская

Мария Молинер – Словарь и Человек

«Mi biografía es muy escueta, en cuanto a que mi único mérito es el Diccionario. Podría buscar en mi historia y encontrar algún artículo ocasional publicado en algún periódico, pero nada que pueda añadir al Diccionario»

María Moliner²⁵

В этих словах Марии Молинер, сказанных с облегчением после того, как она не была избрана в члены Испанской королевской академии языка в 1972 году, – вся она и ее отношение к труду ее жизни – знаменитому словарю *Diccionario de uso del español*, удостоенному в народе названия «el María Moliner» и выдержавшего с 1966 по 1997 год 30 переизданий, а также получившего компьютерную версию в издательстве «Гредос» в 1996 г. Словарь этот хорошо известен во всем мире, он есть почти в каждой образованной испанской семье (испанцы вообще уважают авторитет словарей и прибегают к ним чаще, чем русские, например). Это одновременно многоцелевой словарь, учебник, теоретическая грамматика, руководство по хорошему стилю и сборник любопытных этимологических и социолингвистических очерков, неслучайно М.Секо назвал его одним из лучших словарей XX века.

Об этом универсальном словаре написано немало работ, довольно часто испанские лексикографы обращают внимание на его структуру и особенности статей, по сути предлагающих многоаспектный анализ слова, сочетая традиционные этимологический, идеологический, толковый и энциклопедический словари со словарями сочетаемости, словарями синонимов и антонимов, популярными в Испании словарями-учебниками грамматических трудностей и т.д. Практическая ценность и теоретическая значимость методологических принципов, предложенных М. Молинер впервые в мировой лексикографии, не требуют дополнительных доказательств и хорошо известны нашим испанистам, однако своеобразие и значение этого творения не ограничиваются его чисто лингвистическими достоинствами. Об этом, собственно, и пойдет речь в этой статье.

По целому ряду причин, в которых мы попытаемся разобраться, в самой Испании и за ее пределами об авторе словаря, чей столетний

²⁵Цит. по: *La polvoreda del pasado* // Educación y biblioteca 86, 1998б p. 19

юбилей мы отмечали в 2000 году, ее удивительной и трагической судьбе и чрезвычайно важной сподвижнической деятельности в республиканской Испании, почти ничего не известно.

Итак, Мария Молинер родилась 30 апреля 1900 г. в городке Паниса (Сарагоса), ее отец (врач по профессии) оставил жену с тремя детьми без средств к существованию, когда старшей – Марии – было 12 лет, и именно ей после года неимоверных лишений пришлось содержать семью, давая частные уроки латинского, математики и истории. Почти единственной специальностью, доступной в те годы для женщины в Испании (где к 1910 году только 1% женщин заканчивали школу второй ступени), было архивное и библиотечное дело. Не случайно именно архивистику и библиотечное дело изучала в университете Саламанки Мария Луиса Гонсалес, одна из основательниц испанского отделения в нашем университете и одна из первых испанок, получивших высшее образование.

В 22 года свое первое назначение (по конкурсу) Мария Молинер получает в знаменитый Королевский Архив в Симанкас, затем перебирается в Мурсию, где знакомится, а затем в 1925 г. выходит замуж за каталонца Фернандо Рамона Феррандо (1892-1974), блестящего молодого заведующего кафедрой физики, сторонника дикиннинной в Испании тех лет теории относительности, вольтерьянца и левого радикала. Последнее замечание важно для понимания причин, по которым и ее муж и она сама сразу после провозглашения испанской республики оказываются среди тех, кто пытается реформировать почти не изменившуюся со Средних веков систему образования (при которой более половины населения Испании к 1930 г. оставалось неграмотным!), супруги занимают руководящие посты в культурных и общеобразовательных структурах Валенсии.

Для Марии Молинер годы Служения великому делу просвещения испанского народа начинаются с создания Народных Библиотек, и вскоре она, став директором библиотеки университета Валенсии (к началу Гражданской войны одной из крупнейших в Испании и насчитывающей 60000 томов), основывает Совет по приобретению книг и международному книжному обмену (Junta de adquisición de libros e intercambio Internacional). Задачей Совета было не только пополнение библиотечных фондов, но и пропаганда испанских книг за рубежом, именно тогда издаются произведения Мигеля Эрнандеса, Антонио Мачадо и обмениваются на издания иностранных авторов.

Самым значительным достижением Марии Молинер стало создание проекта «Библиотечного плана», по которому в 1932-34 гг. были созданы более 500 передвижных библиотек в испанской глубинке,

в которые приходили более полумиллиона читателей, 58% из них – школьники, поэтому самыми читаемыми книгами были «Робинзон Крузо» и «Гулливер», сказки Перро и Андерсена. А в 1939-м в Валенсию входят франкистские войска, Молинер топит печку документами (в это время исчезли все семейные архивы), муж лишается кафедры, а она возвращается в архив министерства финансов, с понижением на 18 разрядов в штатном расписании. В 1946 году Мария Молинер с детьми перебирается в Мадрид, где до своей пенсии в 1970 году работает в библиотеке Мадридской инженерной школы (в 1958 г. ее восстанавливают в должности и разряде).

К началу 50-х стало ясно, что франкизм не собирается уступать свои позиции, репрессии и подавление духовной оппозиции стали рутинной практикой, абсурдная *запретительная* логика диктатуры проявлялась во всем, в том числе и в издании самого авторитетного словаря Королевской Академии языка (в дальнейшем – D.R.A.E.). И вот несломленная Мария Молинер бросает вызов и времени, и академикам, протестуя в единственно возможной в то время форме – принимается за создание в высшем понимании этого слова идеологического словаря. По мнению многих исследователей, моделью для созданного ею словаря послужил очень понравившийся ей английский словарь «Learner's Dictionary». Сама Мария Молинер указывает в качестве источников своего словаря уже указанный словарь D.R.A.E. и особо выделяет «сокровище», которое помогло ей в работе – «Этимологический словарь испанского языка» Жоана Короминаса.

И вот каждое утро с 1953 по 1966 год для библиотекаря инженерной школы, матери четырех взрослых детей (26, 23, 22 и 20) начиналось с тысяч карточек, разложенных на обеденном столе; поработав 2-3 часа, она собирала карточки, готовила завтрак, будила детей и бежала на работу. В новаторском, революционном словаре, посягнувшем даже на святая святых – испанский алфавит (исключением букв (диграфов) Ch и Ll)²⁶, – словаре, словно впитавшем в себя пассионарность и полемический задор этой удивительной женщины, она сфальшивила, по заверению ее сына Фернандо Рамона, только раз – в посвящении словаря мужу и детям «взамен внимания, которое было у них украдено». Сфальшивила, потому что дети уже выросли и в особом

²⁶ Экспериментальный и новаторский характер носил предложенный Молинер принцип построения словарного *куста*: однокоренные слова следуют друг за другом, нарушая алфавитный порядок (brusco.../ /brusquedad.../ brusela) – принцип, удобный для носителя языка или исследователя, но довольно сильно затрудняющий поиск слов, происхождение которых неизвестно недавно начавшим изучать язык.

внимании, по мнению сына, уже не нуждались. Во всем остальном – она сама честность и бескомпромиссность.

Борьба с создателями словаря Королевской Академии языка начинается с названия словаря – это словарь словоупотребления живых слов в испанской речи, а не инвентарный список, о чем заявлено в авторском предисловии; замечу, что первое его название было еще шире и смелее «Diccionario orgánico y de uso...», с явным намеком на многочисленные франкистские *основные законы* (ср.: *La ley orgánica...*). Обличая авторов D.R.A.E. в глупости при решении вопроса о включении и исключении из словаря D.R.A.E. отдельных слов (исключении причастий, например, или общеупотребительных выражений, вроде *tomar lugar*), особой критике автор подвергает некоторые традиционные, но методологически неверные, на ее взгляд, принципы, используемые составителями словаря, например: объяснение значения понятия с помощью синонима, часто приводящего к замкнутому кругу дефиниций:

conculcar = infringir; infringir = quebrantar; quebrantar = traspasar; traspasar = transgredir; violar = infringir o quebrantar; transgredir = quebrantar.

Еще один частый в словаре D.R.A.E., но, как доказывает Молинер, совершенно непригодный для словаря способ дефиниции понятия – с помощью определительного придаточного с местоимением (который):

Contradictorio = Que tiene contradicción.

Молинер критикует и средневековую косность в отношении к неологизмам (стр. XXV1-XXV11 введения²⁷) и очевидную нелепицу, к которой привели авторов D.R.A.E. семантические англицизмы при определении даже самых общеупотребительных испанских слов. Ряд подобных семантических англицизмов она блестяще иллюстрирует придуманными ею фразами, например, обнаруженное ею в словаре значение глагола *tomar* она использует в абсурдной фразе:

N tomó a su casa a la muchacha y se volvió al café.

Дополняя столь яркий пример таким комментарием:

Pues bien: entre las acepciones de «tomar» figura en el D.R.A.E. la de «llevar a uno en su compañía», que sí, no es exactamente la misma que la de llevar a alguien acompañándole» que tiene en inglés...

Довольно ехидные замечания или многозначительные намеки, адресованные создателям D.R.A.E., разбросаны по всему словарю, и самые безобидные – это замечания вроде «no incluido en el D.R.A.E.»

²⁷ Словарь М. Молинер цит. по изд. *Diccionario de uso del español*. 2 vol.. Gredos, 1986. В скобках указаны страницы.

или «palabra recientemente aprobada por la R.A. para su inclusión en el D.R.A.E.». Конечно, для подобных выпадов в адрес Академии нужно было немалое мужество, учитывая время создания словаря и отношение к ниспровергателям основ (которое, собственно, и материализовалось в 1972 г. в отказе принять Молинер в академики), но какое нужно было мужество, чтобы дать «идеологически невыдержанные» дефиниции таких, к примеру, понятий, как *caudillo*, *falange*, *socialismo*!

Комментарий к слову *falange* с полным основанием в то время должны бы были счесть идеологической диверсией. Сравним два определения этого слова: в словаре Молинер и в *Diccionario Manual Sopena* (Энциклопедическом словаре-учебнике издательства Сопена):

Moлиner:

Falange Española Tradicionalista y de las JONS (...) Agrupación fundada por Jose Antonio Primo de Rivera con un ideario basado en el del fascismo italiano, la cual dio el tono político al levantamiento militar con el que se inició la última guerra civil española y sigue siendo el soporte del actual régimen español (p.1274). Замечу, что это написано в 50-е годы!

А теперь – «правильная» дефиниция Sopena:

Partido político fundado en España en el año 1933, por Jose Antonio Primo de Rivera para dar la batalla al capitalismo y al marxismo, armonizando el capital y el trabajo y haciendo imposible la lucha de clases...

И далее еще две машинописные страницы истории этой организации и руководящей роли великого Франко, проявившейся и здесь.

Можно ли было в начале 60-х давать определение *Caudillo*, не называя Франко? Оказывается, можно, даже вопреки логике и исторической правде, если диктатора судит Молинер, вычеркивая его из Истории и не удостоив даже обязательных заглавных букв и имени собственного диктатора:

caudillo.... se aplica al jefe actual del gobierno español (p.559).

В политкорректном словаре Сопена содержится вся информация и в нужном освещении:

Designación dada en España, por antonomasia, al generalísimo Francisco Franco a raíz del alzamiento nacional contra el marxismo (p.543).

Оказывается, бороться с режимом можно даже комментируя безобидное слово *camisa* (рубашка), если дать дефиниции фразеологизмам:

camisa azul (у фалангистов), *camisa negra* (итальянских фашистов), *camisa parda* (нацистов), *camisa vieja* (фалангист старой закладки)

Положительная оценка понятия *socialismo*, наверное, дорого бы стоила автору словаря, если бы словарь читал внимательный цензор. Удивительно то, что в год, когда под нож в испанских издательствах идут целые тиражи художественных произведений, читатели получили такую вот энциклопедию своей жизни.

Я специально останавливаюсь подробно на тех сторонах этого оригинального произведения, которые пока оставались незамеченными благодарными специалистами, работающими с этим чудесным словарем, как со справочным пособием, хотя многие словарные статьи представляют собой законченные лингвистические миниатюры, своего рода шедевры, каким является, например, словарная статья такого банального понятия как *control*. (pp.755-756).

По оценкам современных испанских лексикографов (М.Секо), словарь М. Молинер является собой *manual lexicográfico*, написанный на основе грамматики Испанской королевской Академии языка и D.R.A.E., хотя и признают ряд существенных отклонений (*verbos terciopersonales*, etc.). Словарная статья *verbo*, являясь, без сомнения, центральной и концептуальной статьей труда (на это указывает и сам ее объем – 40 словарных страниц, и многоплановость анализа, и даже первое из предлагаемых значений *lenguaje*), что, наряду с другими статьями, подобными ей (*oración*, например) и до сих пор обойденными вниманием исследователей, свидетельствует о том, что теоретическая значимость работы Молинер еще не до конца осознана испанскими лингвистами.

Что же касается отражения в словаре яркой личности автора, (хотя об этом, собственно, свидетельствуют все предыдущие примеры) я позволю себе привести еще один – психолингвистический и лироэпический одновременно – пример: когда дефиниция слова *compasión* и примеры, которые предлагает Молинер в качестве иллюстрации понятий о которых пишет, превращают словарную статью в художественно-публицистическую:

...Esta palabra, «lástima, piedad» y «conmiseración» pueden considerarse como equivalentes. Sin embargo, hay entre sus significados diferencias de matiz. «Lástima» es la menos patética y se emplea corrientemente con referencia a animales (siente lástima por el toro). «Compasión» es más apta a las otras para ser usada impersonalmente en cuanto al objeto de ella (inclinado a la compasión), lleva más carga afectiva e implica más participación en la desgracia ajena que «lástima», pero menos que «piedad». Esta última palabra es la más cargada de patetismo; solamente se siente piedad por seres muy desgraciados e implica una inclinación afectiva hacia ellos por esa desgracia y una participación

dolorosa' en ella. Por fin, «conmiseración» se aproxima más que ninguna de las otras palabras del grupo del significado de «caridad» y es compatible con el desprecio). Sentimiento de pena provocado por el padecimiento de otros, e impulso de aliviarlo, remediarlo o evitarlo: No merece compasión porque él no la ha sentido nunca. No le despiden de la oficina por compasión. Le dio compasión del perro y se lo llevó (p. 686).

Призывать к сочувствию, милости к падшим можно, оказывается, и оружием словаря, которое привычнее считать орудием труда переводчика и лингвиста. Судьба самой Марии Молинер милостями ее не баловала, популярность, обрушившаяся на нее в 1972 году в связи с выдвижением ее кандидатуры в академики Королевской академии Языка, была оценена ею самой совершенно объективно, хотя и не без некоторого ехидства в адрес этой самой Академии. Об этом она замечательно написала в письме сыну Фернандо:

...Después de todo, ha sido una experiencia divertida. Bien sabe Dios que yo no había pensado nunca mientras escribí el Diccionario en tal honor. Y, ahora, nunca pensé seriamente que la academia me eligiría a mí. Y como – por otro lado, me daba miedo que lo hicieran, porque mi salud no me hubiera permitido contribuir con mi trabajo a las tareas de la Academia, como esperaban de mí, el desenlace ha sido el mejor que la cosa podía tener.

No hubiera podido pensar en mi vida tal popularidad para mí... ¡Venga y venga artículos y fotografías en los periódicos de Madrid y de provincias...! Vengan peticiones de entrevistas a las que me he negado... y me sigo negando...

Naturalmente, la explicación está en que el aburrimiento general de la gente de pluma en esta nuestra bendita España, se agarraban como a un clavo ardiendo al bonito tema de la señora recoleta que había hecho un diccionario que es el que usan los Académicos...(Carta de M.Moliner a su hijo Fernando a Londres de 20 nov.1973).

Последним безжалостным ударом судьбы стало то, что с 1973 года она начинает терять рассудок, а после смерти мужа в 1974 и до своей собственной в 1981 г. была совершенно невменяема. А вот памятник она сама себе поставила – **Словарь Мария Молинер.**

Однако история авторского словаря – словаря-памятника и его автору и трагическим временам, пережитым Испанией, – на этом не закончилась. Выдающиеся авторские словари, подобные словарю В. Даля или М. Молинер, являются в равной степени документами своей эпохи и удостоверением личности их создателей, в этом и заключается особая ценность авторских словарей. Дополнение или корректировка таких словарей без их авторов невозможны по определению. К сожалению, эта истина не знакома испанским издателям-

лексикографам: несмотря на протесты наследников М.Молинер и немногих защитников словаря, выступивших в испанских СМИ, но при поддержке ряда академиков испанской королевской Академии языка, была создана группа авторов-продолжателей словаря в составе 20 человек, которая взяла на себя труд улучшить и дополнить словарь, якобы используя прижизненные заметки автора и опираясь на высказанные Молинер пожелания изменить и дополнить словарь, ввести в него неологизмы, упростить композицию гнезд, сделать их более «современными» и отвечающими требованиям времени, а точнее, новым технологиям. Совершенно очевидно, что создатели нового словаря, превратив себя в соавторов Молинер, лишь подтвердили проникновение законов рынка в сферу интеллектуальной собственности, новый словарь стал товаром, использовавшим престижную торговую марку. Неужели интеллектуальные ценности XX века окажутся менее защищенными, чем ценности предшествующих веков, а лингвистика пойдет по пути постиндустриальной коммерциализации и «совершенствования» памятников?